

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ I И ПОЛЬША ВЪ 1830 ГОДУ.

(Воспоминанія подполковника Ѳаддея Вылежинскаго).

ОМЪЩАЕМЫЯ здѣсь воспоминанія флигель-адъютанта императора Николая I, подполковника польскихъ войскъ, Ѳаддея Вылежинскаго, впервые появляются въ русской печати и представляютъ драгоценнѣйшій матеріалъ для исторіи событій 1830—1831 г.г. и особенно для характеристики личности и политическихъ взглядовъ императора Николая Павловича и наиболѣе близкихъ къ нему дѣятелей этой эпохи: графовъ Дибича, Бенкендорфа и Чернышева. Владѣлецъ богатѣйшаго въ Варшавѣ собранія, извѣстнаго подъ именемъ «Biblioteka Ordynacyi Krasin-skich», графъ Адамъ Красинскій, любезно предоставилъ въ наше распоряженіе хранившуюся въ его архивѣ и до сихъ поръ неизданную¹⁾ рукопись на французскомъ языкѣ, подъ заглавіемъ: «Seize jours de ma vie ou relation de mon voyage à Pétersbourg pendant la révolution de Pologne de 1830—1831. Par Thaddé Wyleziński», принадлежавшую прадѣду его, извѣстному генералу, графу Викентію Красинскому²⁾, и подаренную ему самимъ Вылежинскимъ³⁾.

Авторъ воспоминаній, Ѳаддей Вылежинскій (род. 1794, † 1844), подполковникъ гвардейскаго Конно-Егерскаго полка, принадлежалъ къ числу польскихъ офицеровъ, начавшихъ свое боевое поприще подъ

¹⁾ Польскій переводъ этой рукописи впервые появился въ двухъ послѣднихъ книжкахъ польскаго историческаго журнала «Biblioteka Warszawska».

²⁾ Графъ Викентій Красинскій, извѣстный сподвижникъ наполеоновскихъ войнъ, командиръ польскихъ шевалежеровъ, въ послѣдствіи генералъ-отъ-кавалеріи и членъ государственнаго совѣта. † въ 1858 г.

³⁾ Оригиналъ этихъ воспоминаній написанъ подъ диктовку автора, лишившагося въ одномъ изъ сраженій правой руки.

знаменами Наполеона, въ войскахъ бывшаго герцогства Варшавскаго. Участвуя въ главнѣйшихъ сраженіяхъ 1813 и 1814 г.г. (Люценъ, Бауценъ, Лейпцигъ, Ганау, Бріенъ, Феръ-Шампенуазъ и Ватерлоо), онъ отличался отвагою и мужествомъ, потерялъ въ бою правую руку и въ 1814 году награжденъ Наполеономъ орденомъ Почетнаго Легіона. Когда послѣ уничтоженія герцогства Варшавскаго и провозглашенія царства Польскаго пристунлено было къ новой организаціи польской арміи, Вылежинскій, въ числѣ многихъ офицеровъ, служившихъ въ войскахъ Наполеона, вернулся въ отечество и вступилъ въ гвардейскій Конно-Егерскій полкъ, въ которомъ съ 1817 года состоялъ въ чинѣ подполковника. Въ рядахъ этого полка застала его революція, и польскіе конно-егеря, въ числѣ нѣкоторыхъ другихъ польскихъ полковъ, въ первые дни возстанія находились при цесаревичѣ Константинѣ, сопровождали его до Мокотовскаго бивака и только 3-го декабря, послѣ письменнаго приказанія великаго князя, вернулись въ Варшаву. Избранный вскорѣ диктаторомъ, генераль Хлопицкій назначилъ Вылежинскаго своимъ адъютантомъ и въ концѣ декабря 1830 года возложилъ на него щекотливую и крайне отвѣтственную миссію—отправиться въ Петербургъ съ депешами на имя князя Любецкаго, незадолго передъ тѣмъ прибывшаго въ Петербургъ со всеподданнѣйшею просьбою о восстановленіи въ царствѣ Польскомъ конституціи 1815 года. Въ Петербургѣ Вылежинскій долженъ былъ оповѣстить князя Любецкаго, а въ случаѣ возможности и самого императора Николая, о послѣднихъ событіяхъ въ Варшавѣ.

21-го декабря 1830 года, Вылежинскій выѣхалъ изъ Варшавы и, направляясь черезъ Пултускъ, Ломжу, Ковну, Митаву и Ригу, на седьмой день прибылъ въ Петербургъ, гдѣ немедленно явился къ только-что назначенному главнокомандующимъ дѣйствующей противъ Польши арміи, фельдмаршалу Дибичу, наканунѣ его отъѣзда въ армію. Продолжительный разговоръ Вылежинскаго съ графомъ Дибичемъ, подробно переданный въ этихъ воспоминаніяхъ, въ яркихъ чертахъ рисуетъ намъ личность этого замѣчательнаго чловѣка, его отношенія къ цесаревичу Константину и его взгляды на поляковъ, на польскую армію и на главнѣйшихъ польскихъ дѣятелей этой эпохи. Послѣ отъѣзда графа Дибича въ армію, Вылежинскій хотѣлъ вернуться назадъ въ Варшаву. Положеніе его, однако, было весьма двусмысленно. Въ Петербургѣ въ немъ едва ли могли видѣть простаго парламентаря, и, пріѣхавъ въ Россію, онъ чувствовалъ себя, если не военноплѣннымъ, то во всякомъ случаѣ ограниченнымъ въ свободѣ своихъ дѣйствій. Вскорѣ затѣмъ онъ былъ приглашенъ къ всеильному въ то время графу А. Х. Бенкендорфу, съ которымъ онъ также имѣлъ разговоръ, не лишенный историческаго значенія, и наконецъ, черезъ тогдашняго военнаго министра А. И. Чернышева, Вылежинскому было передано отъ имени императора Николая, уже освѣдомленнаго о цѣли его

командировки, категорическое требованіе высказать прямо и откровенно, желаетъ ли онъ пребыть вѣрнымъ своему долгу и остаться, подобно многимъ другимъ полякамъ, въ Петербургѣ въ ожиданіи приказаній государя, или же, считая себя связаннымъ съ революціоннымъ правительствомъ, вернуться въ Варшаву.

Представленное по этому поводу, на имя графа Чернышева, и доложенное въ тотъ же день императору Николаю Павловичу письменное объясненіе Вылежинскаго произвело на государя-рыцаря, всегда уважавшаго прямоту и мужество, настолько благоприятное впечатлѣніе, что онъ не только уважилъ просьбу польскаго офицера о разрѣшеніи ему вернуться въ Варшаву, но даже сдѣлалъ его своимъ флигель-адъютантомъ и, что дороже всего, собственноручною запискою на его имя высказалъ ему въ самыхъ лестныхъ для него выраженіяхъ свое уваженіе, какъ подданному и человѣку. (*Je trouve dans m-r Wyleżyński les sentiments d'un homme d'honneur, d'un brave et loyal militaire et d'un bon polonais*).

Въ 9^{1/2} часовъ вечера 30 декабря 1830 года, Вылежинскій удостоился и личной аудіенціи императора, который бесѣдовалъ съ нимъ болѣе двухъ часовъ. Разговоръ этотъ, подъ живымъ впечатлѣніемъ полной обаянія личности императора Николая, записанъ авторомъ въ ту же ночь. Здѣсь мы встрѣчаемся съ рѣдкимъ въ исторіи сопоставленіемъ личностей: съ одной стороны русскій государь, только что пославшій армію для усмиренія мятежной Польши, глубоко оскорбленный неуваженіемъ мятежниковъ къ его брату, едва не погибшему въ волнахъ революціи, съ другой—офицеръ революціонной страны, отдавшійся на великодушіе царя, мирно бесѣдуютъ о судьбахъ государствъ и народовъ. Это одна изъ тѣхъ минутъ, когда чувствуется, что людей осянуетъ великій геній исторіи, и сами люди становятся на недостижимую высоту благородныхъ чувствъ, великодушія и правдивости... Въ этой бесѣдѣ императоръ Николай является передъ нами во весь ростъ, во всемъ величіи своей воистину рыцарской натуры и, недоступный въ эту минуту для человѣческихъ слабостей, орлинымъ взоромъ окидываетъ Русское государство и его окраины и съ откровенностью, свойственною только крупнымъ натурамъ, говоритъ о польской революціи, о самой Польшѣ и ея народѣ, о польскомъ войскѣ, о цесаревичѣ Константинѣ, высказываетъ свои взгляды на задачи правителя, на революцію вообще и даже на событіе 14-го декабря! Читая эти строки, записанныя Вылежинскимъ съ почти стенографическою точностью, невольно хочется воскликнуть: «да, это императоръ Николай, это его рѣчь, это живой, величественный образъ русскаго монарха, преисполненнаго сознаніемъ «высокаго жребія», выпавшаго на долю русскаго народа, Русскаго государства, сознаніемъ великой отвѣтственности, которая, въ эту годину наступающаго бѣдствія, лежитъ на немъ, Помазанникъ Божіемъ,

призванномъ пещись «о людяхъ своихъ». Словомъ — здѣсь вся личность императора Николая, каковымъ онъ былъ въ дѣйствительности, и каковымъ мы знаемъ его изъ разсказовъ, близко стоявшихъ къ нему современниковъ.

Таково содержаніе «Воспоминаній Вылежинскаго», значеніе которыхъ для характеристики императора Николая I и для исторіи польской смуты 1830—1831 годовъ несомнѣнно должно получить особенную важность для будущихъ бытописателей этой эпохи. Въ заключеніе укажемъ, что настоящую статью намъ удалось дополнить нѣсколькими документами изъ архива покойнаго Н. К. Шиллера, подтверждающими полную точность и правдивость фактовъ, сообщаемыхъ въ рукописи Вылежинскаго, и дающими нѣкоторыя указанія на дальнѣйшую судьбу автора записокъ по возвращеніи его въ Варшаву и по окончаніи революціи 1830 года. Человѣкъ широко образованный, воспитанникъ знаменитаго въ свое время Виленскаго университета, Вылежинскій извѣстенъ и военно-литературными своими трудами, печатавшимися въ 1841 и 1842 годахъ въ журналѣ «Biblioteka Warszawska». Изъ наиболѣе извѣстныхъ его статей, напечатанныхъ за это время, укажемъ на двѣ: 1) Лейпцигское сраженіе 1813 года и 2) Военныя операціи послѣ Лейпцигской битвы. Сраженіе при Ганау и конецъ осенней кампаніи 1813 года въ Германіи ¹⁾.

К. Военскій.

Мартъ. 1903 г.

I.

Провозглашеніе революціи 1830 г. — Генералъ Хлопицкій. — Моя командировка въ Петербургъ. — Инструкція диктатора. — Отъ Варшавы до русской границы. — Ковно. — Князь Лопухинъ. — Меня считаютъ парламентаромъ. — Генералъ Паленъ I-й. — Отъ Шавель до Петербурга въ саняхъ. — Мои спутники. — Приѣздъ въ Петербургъ. — Фельдмаршалъ Дибичъ. Его портретъ. — Продолжительная съ нимъ бесѣда.

Польское возстаніе, начавшееся въ Варшавѣ въ ночь съ 29-го на 30-е ноября 1830 г., разыгралось окончательно 3-го декабря, когда прибыли польскія войска, находившіяся съ самаго начала съ великимъ княземъ Константиномъ Павловичемъ, и когда цесаревичъ выступилъ съ русскою гвардіею изъ бивака близъ Мокотова и направился къ границамъ царства, черезъ Пулаву. 5-го декабря генералъ Хлопицкій провозгласилъ себя диктаторомъ, а 20-го того же мѣсяца было первое засѣданіе сейма, на которомъ соединенныя

¹⁾ См. Rembowski: Źródła do historyi pułku Polskiego Lekkokonnego gwardyi Napoleona I. Biblioteka Ordynacyi Krasieńskich. Muzeum Konstantego Swidzińskiego. Warszawa. 1899.

палаты провозгласили польскую революцію національною и назначили диктаторомъ генерала Хлопицкаго. Дней за десять до этихъ событій въ Петербургъ отправленъ былъ для переговоровъ князь Любецкій, котораго сопровождалъ графъ Янъ Езерскій. Такъ какъ миссія ихъ не имѣла еще строго официальнаго характера, то необходимо было увѣдомить ихъ о дѣйствіяхъ сейма и оформить ихъ положеніе приказомъ диктатора, избраннаго уже представителями націи. Для этой цѣли надо было отправить кого нибудь къ князю Любецкому, и выборъ палъ на меня, какъ на лицо, исполнявшее въ это время обязанности адъютанта при диктаторѣ.

Я не знаю, почему именно выборъ палъ на меня, но мнѣ кажется, что диктаторъ, желая отправить въ Петербургъ лицо, которое бы могло сообщить все, что происходитъ въ Варшавѣ и вообще въ царствѣ, не хотѣлъ вмѣстѣ съ тѣмъ подвергать это лицо разнымъ случайностямъ. Думаю поэтому, что онъ рѣшилъ командировать въ эту поѣздку такого офицера, который не только не принималъ участія въ началѣ революціоннаго движенія, но напротивъ того находился вмѣстѣ съ войсками, бывшими въ первые моменты при великомъ князѣ, и такимъ образомъ дѣйствія его могли считаться вполне лояльными. Я именно принадлежалъ къ числу таковыхъ, такъ какъ въ первый день возстанія я вмѣстѣ съ генераломъ Красинскимъ и гвардейскимъ Конно-Егерскимъ полкомъ находился въ числѣ войскъ, подвергавшихся выстрѣламъ со стороны народа и солдатъ, начавшихъ революцію. Въ Варшаву я вернулся обратно 3-го декабря, согласно письменному разрѣшенію, выданному цесаревичемъ Константиномъ польскимъ войскамъ, находившимся при немъ ¹⁾. Кромѣ того, я хорошо зналъ Петербургъ и былъ лично извѣстенъ императору Николаю. Еще пять мѣсяцевъ тому назадъ я пробылъ шесть недѣль въ Петербургѣ вмѣстѣ съ генераломъ Красинскимъ и, какъ по своему чину, такъ и благодаря моимъ ранамъ, я пользовался извѣстнымъ вниманіемъ въ военныхъ кругахъ, среди которыхъ мнѣ приходилось вращаться.

Что касается меня лично, то командировка эта не особенно мнѣ улыбалась, такъ какъ, не говоря уже о трудностяхъ, сопряженныхъ съ такимъ продолжительнымъ путешествіемъ въ столь суровое время года, несомнѣнно, что первый польскій офицеръ, явившійся въ Петербургъ послѣ революціи и долженствовавшій представиться императору, не только не могъ рассчитывать на хорошій приемъ, но

¹⁾ Слѣдующія польскія войска состояли при цесаревичѣ до 3-го декабря 1830 года: 1) гвардейскій Конно-Егерскій полкъ въ полномъ составѣ, 2) гвардейскіе гренaдеры, исключая 3 роты второго батальона, 3) сводный карабинерный батальонъ перваго и третьяго егерскихъ полковъ, 4) первая рота 6 линейнаго полка, 5) эскадронъ юнкерскаго кавалерійскаго училища и 6) четыре орудія артиллерійской школы. Общая численность этихъ войскъ доходила до 4 тысячъ человекъ.

имѣлъ полное основаніе опасаться за свою свободу и ожидать всевозможныхъ непріятностей.

Двадцать перваго декабря 1830 года я съ утра отправился къ диктатору, который жилъ въ это время въ домѣ Микульскаго, на углу Бѣлянской улицы. Въ полдень я завтракалъ у него съ его штабомъ. Разговоръ шелъ о событіяхъ дня и полковникъ Вонсовичъ, довѣренное лицо диктатора, сказалъ мнѣ, что кого-то уже командировали въ Петербургъ для сообщенія о постановленіи сейма. Сдѣлавъ нѣсколько поѣздокъ по городу, я вернулся домой въ пятомъ часу съ намѣреніемъ не выходить изъ квартиры, такъ какъ былъ сильно утомленъ и чувствовалъ себя нѣсколько нездоровымъ. Между тѣмъ мой человѣкъ сообщилъ мнѣ, что три адъютанта приходили ко мнѣ отъ имени диктатора, который требовалъ меня къ себѣ. Я подозрѣвалъ, что мнѣ хотятъ дать какую нибудь командировку, но былъ увѣренъ, что меня пошлютъ въ одинъ изъ уѣздовъ царства. Я тотчасъ отправился къ диктатору и въ приемной, переполненной, какъ всегда, множествомъ офицеровъ, я узналъ, что генераль ожидаетъ меня съ нетерпѣніемъ. Войдя въ комнату, я увидѣлъ въ ней нѣсколько человѣкъ, съ которыми диктаторъ бесѣдовалъ, и одинъ изъ нихъ, генераль Шверинъ (лицо, также близкое къ диктатору), подошелъ ко мнѣ и сказалъ вполголоса:

- Вы знаете, васъ отправляютъ?
- Далеко?
- Да, довольно...

Вспомнивъ изъ разговора съ Вонсовичемъ, что въ Петербургъ уже отправили кого-то, я съ радостью заключилъ, что меня командировать за границу. Но вскорѣ мнѣ пришлось разочароваться, ибо диктаторъ повернулся ко мнѣ и сказалъ:

- Есть у васъ хорошая шуба?
- Есть, генераль.
- Очень хорошо... вамъ немедленно придется отправиться въ Петербургъ.

Извѣстіе это поразило меня: мнѣ тотчасъ представились всѣ непріятности, сопряженныя съ этимъ путешествіемъ, но я, не задумываясь, отвѣтилъ диктатору:

- Я готовъ. Будутъ ли мнѣ даны бумаги?
- Да, вы получите депеши на имя князя Любецкаго.
- Но пропустятъ ли меня черезъ границу?
- Объ этомъ вамъ надо постараться.
- Такъ какъ мнѣ, быть можетъ, придется бесѣдовать въ Петербургѣ съ императоромъ, то я просилъ бы ваше превосходительство дать мнѣ на этотъ случай соотвѣтствующія инструкціи.
- Прошу васъ зайти ко мнѣ черезъ два часа, и тогда я подробнѣе переговорю съ вами объ этомъ; а пока постарайтесь за-

пастись всѣмъ необходимымъ и приготовиться къ отъѣзду сегодня же вечеромъ.

Обернувшись затѣмъ къ президенту банка, графу Ельскому, который находился тутъ же, диктаторъ сказалъ:

— Прошу васъ приготовить необходимую сумму для поѣздки полковника.

Озабоченный и удрученный этимъ неожиданнымъ порученіемъ, я быстро приготовилъ все къ отъѣзду, получилъ изъ банка 250 червонцевъ, простился съ друзьями, заказалъ почтовыхъ лошадей и къ восьми часамъ вечера явился къ Диктатору, уже готовый къ отъѣзду.

Генералъ Хлопицкій былъ одинъ въ своемъ кабинетѣ, когда я вошелъ къ нему. Онъ подошелъ ко мнѣ и сказалъ: «Вы поѣдете черезъ Ковно, такъ какъ это кратчайшій путь, и притомъ вы не должны встрѣтиться съ великимъ княземъ Константиномъ. Въ Ковнѣ вы увидите генерала Безобразова, начальника первой гусарской дивизіи; вы скажете ему, что отправлены съ депешами въ Петербургъ, и спросите у него паспортъ для дальнѣйшаго путешествія. Если онъ откажетъ вамъ въ выдачѣ этого паспорта, вы напомниме ему, что десять дней тому назадъ флигель-адъютантъ императора Николая, полковникъ Гауке, былъ отправленъ изъ Петербурга въ царство и получилъ разрѣшеніе отъ польскихъ властей прибыть въ Варшаву; что въ виду этого вы полагаете справедливымъ получить подобное же разрѣшеніе для проѣзда въ Петербургъ, и будете настаивать на вашей просьбѣ. Если же вамъ все-таки будетъ отказано, то вы вручите ваши депеши генералу Безобразову, взявъ съ него расписку и попросите его отправить эти бумаги немедленно, съ эстафетой. Во всякомъ случаѣ вамъ слѣдуетъ употребить всѣ усилія и постараться лично прибыть въ Петербургъ. Если бы генералъ захотѣлъ предварительно отправить васъ къ великому князю Константину¹⁾, вы отвѣтите ему, что поѣздка эта заставитъ васъ сдѣлать большой крюкъ, а такъ какъ порученіе ваше экстренное и срочное, то вамъ никакъ нельзя на это согласиться. Въ остальномъ полагаюсь на вашу опытность и на вашъ тактъ, кои укажутъ вамъ, какъ лучше поступить при данныхъ обстоятельствахъ».

Вysłушавъ эти инструкціи, я спросилъ диктатора, какъ слѣдуетъ мнѣ говорить на случай, если бы императоръ пожелалъ меня видѣть.

«Если вы увидите императора Николая, вы будете говорить съ его величествомъ съ тѣми чувствами, которыя вы обязаны имѣть по отношенію къ вашему государю: вы будете отвѣчать на всѣ его вопросы съ полной искренностью и правдивостью. Вы сами,

¹⁾ Великій князь въ это время находился близъ Брестъ-Литовска, и князь Любецкій направился по этому пути.

конечно, видите здѣшнее положеніе вещей и укажете императору на все, что у насъ здѣсь происходитъ, безъ всякой утайки, какъ подобаетъ говорить съ монархомъ. Если онъ захочетъ узнать подробности о польской арміи, вы доложите его величеству, что третьи батальоны пѣхотныхъ полковъ уже сформированы; что четвертые батальоны формируются, а равно пятые и шестые эскадроны кавалерійскихъ полковъ; что изготовлено сорокъ новыхъ орудій, и формируются батальоны подвижной гвардіи, а также новые кавалерійскіе полки въ провинціяхъ,—однимъ словомъ вы опишите его величеству все, что вы здѣсь видѣли. Наконецъ, для болѣе полного уясненія вашей роли и усвоенія моихъ желаній, вамъ необходимо отправиться къ моему секретарю Крысинскому: онъ покажетъ вамъ копію моего письма къ императору, которое я отправилъ черезъ князя Любецкаго».

Я отправился къ Александру Крысинскому, который жилъ тутъ же; онъ показалъ мнѣ это письмо, ставшее впоследствии историческимъ. Изъ него я заключилъ, что генералъ Хлопицкій желаетъ мирнаго разрѣшенія вопроса, и что онъ вѣритъ въ возможность возстановленія и сохраненія порядка, если государь захочетъ войти въ положеніе поляковъ, внять ихъ жалобамъ и завѣрить ихъ, что отнынѣ конституція будетъ строго сохранена; при этомъ диктаторъ указывалъ, что въ виду существующаго положенія вещей единственнымъ исходомъ избѣгнуть большихъ бѣдствій было бы великодушное прощеніе императора. Во всемъ этомъ письмѣ слышалась рѣчь благороднаго человѣка, высказывающаго передъ императоромъ свои взгляды съ искренностью стараго солдата, который желаетъ видѣть въ немъ своего монарха, указавъ при этомъ, что принятіе имъ диктатуры вызвано исключительнымъ желаніемъ прекратить безпорядки, ибо онъ лично никогда не желалъ революціи. Изъ всего сказаннаго я понялъ роль, предписанную мнѣ диктаторомъ, и увидѣлъ, что онъ далеко не желалъ войны, былъ увѣренъ, что не дойдетъ до этой крайности, и что естественно онъ не рассчитывалъ на благопріятный исходъ борьбы съ могущественною Россіей.

Когда я вернулся къ диктатору, онъ вручилъ мнѣ депеши для князя Любецкаго, которыя онъ только что подписалъ въ моемъ присутствіи. Меня снабдили также открытымъ листомъ для получения содѣйствія отъ мѣстныхъ властей въ царствѣ, а генералъ Мрожинскій, начальникъ штаба диктатора, велѣлъ выдать мнѣ паспортъ для проѣзда черезъ границу и предъявленія его русскимъ властямъ.

Въ заключеніе диктаторъ сказалъ мнѣ слѣдующее: «Вы скажете въ Петербургъ всю правду о томъ, что здѣсь происходитъ. Вы сразу поймете, что думаютъ о насъ, что собираются дѣлать, какія военныя приготовленія дѣлаются въ Россіи, какія войска

направляются противъ Польши и т. д. Наблюдайте за всѣмъ и старайтесь ничего не упускать изъ виду, впрочемъ я вполне разсчитываю на ваше усердіе. Будьте же внимательны и возвращайтесь скорѣе. Вы скажете также, что я отправилъ въ Брестъ, къ цесаревичу, всѣхъ русскихъ унтеръ-офицеровъ и солдатъ, захваченныхъ въ плѣнъ въ Варшавѣ. Что же касается генераловъ и офицеровъ, находящихся здѣсь, то я не могу ихъ вернуть въ Россію, пока не узнаю, что намѣрены дѣлать съ польскими сенаторами и офицерами, пребывающими въ Россіи. Во всякомъ случаѣ вы можете сказать, что всѣ русскіе здѣсь находятся въ безопасности, и что я забочусь о нихъ. Прощайте, желаю вамъ счастливаго пути и скорого возвращенія».

Послѣ этихъ лаконическихъ и краткихъ инструкцій онъ пожалъ мнѣ руку и вышелъ изъ кабинета. Перейдя въ сосѣднюю гостиную, я передъ отъѣздомъ былъ приглашенъ выпить чаю съ генераломъ Шенбекомъ и нѣкоторыми офицерами изъ штаба диктатора. Генералъ Шенбекъ говорилъ со мною довольно долго, прося передать въ Петербургѣ, на случай, если я увижу императора, что онъ, Шенбекъ, никогда не желалъ революціи, и что если онъ, въ числѣ первыхъ, отправился со своимъ полкомъ въ Варшаву, то это лишь въ виду того, что ему невозможно было поступить иначе, ибо въ противномъ случаѣ его разстрѣляли бы его собственные солдаты, воспламененные революціоннымъ духомъ и возбужденные вожаками возстанія.

Полковникъ Вонсовичъ доказывалъ мнѣ, что мы всѣ находимся подъ вліяніемъ революціонной партіи, успѣхи которой идутъ чрезвычайно быстро. Уже можно было замѣтить, что наиболѣе выдающіяся лица главнаго штаба и арміи увлечены общимъ потокомъ помимо своей воли.

Проговоривъ еще нѣкоторое время, я наконецъ расстался съ присутствующими, заѣхалъ проститься съ отцомъ и ровно въ одиннадцать часовъ вечера 21 декабря 1830 года въѣзжалъ на Пражскій мостъ въ почтовой бричкѣ и, въ сопровожденіи моего слуги, летѣлъ по дорогѣ въ Петербургъ.

Дорога отъ Варшавы до Ковны была довольно пріятна, такъ какъ ѣхать пришлось по хорошему шоссе; погода не была особенно холодная, и было довольно сухо. Ночью я проѣхалъ Пултускъ, гдѣ расположенъ былъ гвардейскій Конно-Егерскій полкъ, а на другое утро прибылъ въ Остроленку, гдѣ увидѣлъ множество крестьянъ, вооруженныхъ косами и пиками; ихъ собрали въ этомъ мѣстѣ, чтобы организовать роты и баталіоны, и понемногу обучали строю. Въ Ломжѣ было то же самое, какъ и въ большинствѣ другихъ мелкихъ городовъ. Всюду по дорогѣ видны были войска, приготовлявшіяся къ походу; во всѣхъ кузницахъ оттачивали косы и ковали наконечники для пикъ. Почти во всѣхъ мѣстеч-

кахъ и деревняхъ на возвышенныхъ мѣстахъ водружены были высокіе шесты, обернутые въ солому, на вершинѣ которыхъ стояли бочки съ дегтемъ; шесты эти охранялись днемъ и ночью небольшими отрядами крестьянъ, которые должны были зажигать ихъ при видѣ непріятеля и этимъ дать сигналъ къ открытію военныхъ дѣйствій. Все это, вмѣстѣ взятое, придавало всей мѣстности видъ страны, въ которой происходитъ возстаніе.

Около десяти часовъ утра 23-го декабря я прибылъ въ Маріамполь, гдѣ встрѣтилъ отставного полковника Осиповскаго, которому поручена была организація военнаго набора въ Августовскомъ палатинатѣ; здѣсь же увидѣлъ я майора Пушета (извѣстнаго впоследствии партизана, который вскорѣ умеръ отъ усталости и лишеній во время этой войны) и другихъ. Въ Маріамполь была сосредоточена организація кавалеріи, и на площади я увидѣлъ болѣе тысячи лошадей, маленькихъ, но крѣпкихъ. Тутъ же шло обмундированіе людей и вооруженіе ихъ, при чемъ почти всѣ имѣли пики, а многіе вооружены были также саблями. Я засталъ всѣхъ офицеровъ въ ратушѣ за завтракомъ и спросилъ ихъ, возможна ли переправа черезъ Нѣманъ. Сначала большинство отнеслись ко мнѣ съ недовѣріемъ и съ подозрѣніемъ смотрѣли на меня, но когда узнали, что я адъютантъ диктатора, отправленный съ бумагами въ Петербургъ, то мнѣ немедленно и весьма охотно сообщили всѣ необходимыя справки, а полковникъ Осиповскій предложилъ мнѣ даже отправиться на ближайшій постъ, гдѣ собраны были еще шестьсотъ лошадей. Прибывъ туда, я увидѣлъ эту новую революціонную кавалерію, которую организовалъ капитанъ Шоонъ, впоследствии взятый въ плѣнъ и повѣшенный русскими войсками, находившимися подъ начальствомъ генерала Фрикена.

Вечеромъ я прибылъ въ мѣстечко Алексоту, пограничный пунктъ на польско-русской границѣ, близъ Нѣмана, какъ разъ на-противъ Ковны. Начальникъ польской таможни въ Алексотѣ сказалъ мнѣ, что съ противоположнымъ берегомъ нѣтъ сообщенія, такъ какъ вода слишкомъ высока, и переправа ночью можетъ быть чрезвычайно опасна, почему онъ и совѣтовалъ мнѣ переночевать до слѣдующаго дня и въ это время справиться на русской таможнѣ о дальнѣйшемъ пропускѣ; онъ сообщилъ мнѣ при этомъ, что полковникъ Гауке поступилъ точно также, но прибавилъ, что, вѣроятно, меня не пропустятъ черезъ границу, такъ какъ въ русскихъ таможняхъ полученъ былъ объ этомъ приказъ. Тѣмъ не менѣе, въ виду данныхъ мнѣ инструкцій, я рѣшилъ попробовать перейти на русскую территорію, не предупреждая властей, и внезапно представиться командующему въ Ковнѣ генералу. Въ виду этого я сѣлъ въ лодку и переправился вмѣстѣ съ своимъ чело-
вѣкомъ и съ почтальономъ, которому приказалъ трубить въ ро-

жокъ при приближеніи къ русскому бѣрегу. Вечеромъ, въ семь съ половиной часовъ, когда уже было совершенно темно, я высадился въ Ковнѣ 23-го декабря 1830 года.

Здѣсь меня встрѣтилъ мѣстный полицеймейстеръ съ нѣсколькими солдатами, державшими въ рукахъ фонари и пришедшими на звукъ трубы. Полицеймейстеръ спросилъ меня, кто я и зачѣмъ пріѣхалъ, и, получивъ отвѣтъ, что я полковникъ польскихъ войскъ, отправленный съ бумагами изъ Варшавы въ Петербургъ, и желаю видѣть генерала Безобразова, — согласился проводить меня къ генералу. Тѣмъ временемъ множество таможенныхъ стражниковъ окружили моего слугу, взяли мои вещи и направились къ зданію таможни. Прибывъ къ генералу Безобразову, я отрекомендовался ему и изложилъ ему цѣль моего пріѣзда. Генералъ былъ добродушный, симпатичный старикъ, который сообщилъ мнѣ, что сегодня прибылъ изъ Петербурга князь Лопухинъ, которому онъ уже сдалъ командованіе первю гусарскою дивизіей, и что въ виду этого мнѣ слѣдуетъ обратиться къ нему. Князь Лопухинъ, къ которому я тотчасъ отправился, былъ красивый мужчина, богатый и чрезвычайно изящный человѣкъ и принялъ меня съ откровенною вѣжливостію. Я сообщилъ ему цѣль моей поѣздки и просилъ его снабдить меня паспортомъ. На это князь отвѣтилъ мнѣ, что онъ только что пріѣхалъ, и что онъ не знаетъ, имѣетъ ли право пропустить меня дальше, но просилъ меня обождать немного, пригласивъ выпить съ нимъ чаю, во время котораго между нами завязался разговоръ.

Онъ говорилъ, что рѣшительно не понимаетъ причины польской революціи, такъ какъ, насколько ему извѣстно, Польша была счастлива и богата; что онъ чувствуетъ большую симпатію къ Польшѣ; что онъ былъ пять разъ влюбленъ въ полекъ и т. д. и т. д. На это я отвѣтилъ ему, что дѣйствительно теперешняя революція сначала была вызвана въ Польшѣ кучкою молодежи, горячими головами, но что въ настоящее время къ нимъ присоединилась вся нація, что сеймъ объявилъ революцію національною, что генералъ Хлопицкій, провозглашенный диктаторомъ, уже водворилъ порядокъ, и т. д. Я сказалъ ему также, что матеріально Польша несомнѣнно благоденствовала, но что съ нравственной и съ политической стороны было много причинъ къ недовольству, и что мы надѣемся на императора Николая, который, вѣроятно, захочетъ войти въ наше положеніе.

Бесѣда наша продолжалась въ этомъ духѣ, и во время разговора къ князю Лопухину являлись нѣсколько лицъ съ докладами, послѣ чего онъ сказалъ мнѣ:

— Собственно говоря, я не долженъ былъ пускать васъ на нашу территорію, ибо таковъ общій порядокъ; но я буду смотрѣть на васъ, какъ на парламентаря, дамъ вамъ конвой и отправлю васъ

къ командиру перваго армейскаго корпуса, генералу Палену, коего авангардомъ я только командую ¹⁾. Вы встрѣтите генерала по эту сторону, близъ Митавы, такъ какъ онъ уже находится на маршѣ. У вашего человѣка нашли пистолеты, и вы извините меня, что я, по обычаю, велѣлъ отобрать ихъ и передать солдату вашего конвоя. Въ вашемъ чемоданѣ также нашли довольно большой свертокъ, адресованный на имя г. Туркула, въ Петербургъ...

На это я отвѣчалъ князю, что это были газеты, полученныя мною отъ молодого графа Замойскаго для передачи г. Туркулу, и что я за этотъ свертокъ не отвѣчаю. Послѣ этого князь просилъ меня показать ему депеши, посылаемыя на имя князя Любецкаго, и когда я вручилъ ему ихъ, онъ взялъ ихъ вмѣстѣ съ другими бумагами, положилъ въ большой конвертъ и запечаталъ печатью. Тогда я замѣтилъ ему, что отвѣчаю за эти бумаги, и просилъ бы дать мнѣ въ нихъ расписку. Но князь успокоилъ меня, сказавъ, что гусарскій офицеръ, который будетъ меня сопровождать, доставить ихъ въ сохранности, и что вообще таковы обычаи при отправленіи парламентеровъ. Въ это же время въ комнату вошелъ офицеръ въ формѣ Клястицкаго гусарскаго полка, которому князь вручилъ бумаги, далъ наставленіе и любезно распростился со мною. Въ десять часовъ вечера я выѣхалъ изъ Ковны, сидя въ маленькихъ открытыхъ саняхъ, вмѣстѣ съ офицеромъ, а въ слѣдующихъ саняхъ ѣхалъ мой слуга съ гусаромъ, который былъ при оружіи и съ заряженнымъ карабиномъ въ рукахъ.

Мой спутникъ, гусарскій офицеръ, оказался бравымъ нѣмцемъ, съ которымъ я бесѣдовалъ на его языкѣ. Онъ сказалъ мнѣ, что вся первая гусарская дивизія уже собрана близъ Ковны и находится въ полной боевой готовности. Погода была прескверная, дулъ сильный вѣтеръ, и послѣ первой же станціи мы едва не потонули, переѣзжая по слабому льду въ нашихъ маленькихъ саняхъ. На другой день, въ два часа по полудни, мы прибыли въ городъ Шавли въ Самогитіи, гдѣ встрѣтили генерала Палена 1-го, который прибылъ сюда съ четвертымъ полкомъ пѣхоты 1-го армейскаго корпуса, находившагося уже на маршѣ. Мы остановились на почтовой станціи въ небольшомъ скверномъ домишкѣ, на краю города, гдѣ мой спутникъ, гусарскій офицеръ, меня оставилъ, взявъ съ меня обѣщаніе не говорить ни съ кѣмъ и поручивъ своему солдату слѣдить за мной. Вернувшись, онъ сообщилъ мнѣ, что былъ у генерала Палена, передалъ ему мои депеши, и что въ скоромъ времени генералъ пришлетъ кого нибудь сюда для объявленія своихъ приказаній. Въ это время, у дверей почтовой станціи

¹⁾ Послѣ войны я встрѣтился съ княземъ Лопухинымъ, и онъ сказалъ мнѣ, что получилъ выговоръ отъ генерала Палена за то, что пропустилъ меня, но равъ что я былъ уже въ странѣ, онъ рѣшилъ пропустить меня дальше.

я увидѣлъ дорожную коляску (берлинъ) съ гербами Замоискихъ и узналъ, что это былъ графъ Замоискій, президентъ польскаго сената, который, прибывъ полчаса послѣ меня, проѣхалъ въ Петербургъ, но я его уже не видѣлъ. Желая убить время, я занялся бесѣдою съ моимъ спутникомъ, офицеромъ, на разные темы а также о послѣдней революціи, происшедшей въ Варшавѣ. Между тѣмъ въ тщетномъ ожиданіи прошло уже болѣе шести часовъ и, увидѣвъ, что отъ генерала Палена посланнаго все нѣтъ, я потерялъ терпѣніе и сталъ требовать, чтобы мнѣ категорически объявили, пропускаютъ ли меня дальше или нѣтъ; въ противномъ же случаѣ я прошу выдать мнѣ расписку въ принятіи отъ меня депешъ и отправить меня обратно; если же желаютъ, чтобы я ѣхалъ дальше, то я не могу ожидать такъ долго, ибо бумаги, которыя я везу,—спѣшныя. Въ виду этого я хотѣлъ написать письмо къ начальнику штаба генерала Палена, но офицеръ сказалъ мнѣ, что это запрещено. Наконецъ мнѣ удалось убѣдить его отправиться еще разъ къ начальнику корпуса и передать ему все то, что я только что сказалъ ему. Когда онъ уѣхалъ, я предался печальнымъ размышленіямъ, будучи увѣренъ, что, судя по всему, меня захотятъ задержать въ плѣну. Послѣ цѣлаго часа томительнаго ожиданія вернулся наконецъ офицеръ и сообщилъ мнѣ, что онъ все въ точности передалъ генералу, и что меня тотчасъ отправятъ въ Петербургъ въ сопровожденіи одного офицера и унтеръ-офицера пѣхотнаго полка. Въ заключеніе онъ сказалъ мнѣ, что генералъ Паленъ подробно разспрашивалъ его, на какомъ языкѣ я съ нимъ говорилъ, и бесѣдовалъ ли я съ нимъ о событіяхъ въ Варшавѣ; на что онъ отвѣтилъ генералу, что я говорю по-нѣмецки, но что о революціи у насъ не было съ нимъ никакихъ разговоровъ (что не было совсѣмъ вѣрно), что въ общемъ я былъ чрезвычайно вѣжливъ и мало разговорчивъ. При этомъ онъ посовѣтовалъ мнѣ дружески поменьше разговаривать съ пѣхотнымъ офицеромъ и вообще быть осторожнѣе, такъ какъ этому молодому человѣку предписано, повидимому, доносить обо всемъ по начальству. Я искренно поблагодарилъ моего добраго спутника и спросилъ его, не знаетъ ли онъ, что думаютъ дѣлать со мною. Онъ сказалъ мнѣ на это, что теперь меня отправятъ къ главнокомандующему дѣйствующей арміей, фельдмаршалу Дибичу, который находится еще въ Петербургѣ, но потомъ... онъ пожалъ плечами, подалъ мнѣ руку и простился.

Итакъ я ѣду въ Петербургъ... Будь, что будетъ... но вернусь ли я оттуда? Мы плохо поужинали, послѣ чего я купилъ пару полушубковъ, чтобы покрыть ноги себѣ и моему слугѣ, ибо до Петербурга оставалось еще сто двадцать миль, и мы все подвигались на сѣверъ. Черезъ нѣсколько времени прибылъ наконецъ пѣхотный офицеръ, котораго мой бывшій спутникъ, гусарскій офицеръ, познакомилъ со мною и просилъ позаботиться обо мнѣ въ время пути.

Въ полночь мы сѣли въ сани и размѣстились слѣдующимъ образомъ: въ первыхъ саняхъ сидѣлъ я съ офицеромъ, а напротивъ, на передкѣ, сидѣлъ унтеръ-офицеръ, вооруженный моими же пистолетами, а въ другихъ сидѣлъ мой человѣкъ съ денщикомъ офицера. Мой новый спутникъ, подпоручикъ четвертаго полка пѣхоты, по фамиліи Васильевъ, былъ еще совсѣмъ молодымъ человѣкомъ, только что окончившимъ кадетскій корпусъ въ Петербургѣ, и съ которымъ я также говорилъ по-нѣмецки. Что касается унтеръ-офицера, то это былъ высокаго роста, красивый молодой человѣкъ, родомъ курляндецъ, сынъ протестантскаго пастора, по имени Шульцъ. Прогонныя деньги я передалъ офицеру, чтобы не платить на каждой станціи, и только во время остановокъ я пользовался случаемъ, чтобы вздремнуть немного. Расходы по продовольствію я взялъ на себя, и кажется, что мои спутники были мною довольны.

Шесть мѣсяцевъ тому назадъ я ѣхалъ по тому же пути вмѣстѣ съ генераломъ графомъ Викентіемъ Красинскимъ, состоявшимъ въ свитѣ императора. Погода стояла великолѣпная, во время пути намъ оказывали всевозможныя почести, а въ Петербургѣ насъ ожидали празднества и балы: знаменитый праздникъ въ Петергофѣ и большіе маневры гвардіи, на которые былъ приглашенъ и шведскій принцъ Оскаръ... И вотъ теперь мнѣ снова пришлось ѣхать по тому же пути, но уже въ скверную, холодную погоду, въ маленькихъ открытыхъ саняхъ, одинокому, въ сопровожденіи военного конвоя и на каждой станціи на меня смотрѣли, какъ на преступника, боясь говорить со мною и издали посматривая на меня съ подозрѣніемъ... А въ Петербургѣ? что ожидаетъ меня здѣсь?—невольно задавалъ я себѣ вопросъ. Я уже представлялъ себѣ строгое и суровое лицо императора Николая, его упреки по отношенію къ польскому народу, а тамъ, быть можетъ, меня ожидаетъ крѣпость, и мнѣ уже не придется вернуться этой дорогою, не придется увидѣть родины и друзей,—словомъ, меня охватили самыя мрачныя и тревожныя мысли. Тѣмъ не менѣе надо было примириться съ судьбою и съ чистой совѣстью и надеждою на милость Божественнаго Провидѣнія ожидать рѣшенія своей судьбы.

Въ Самогитіи зданія почтовыхъ станцій чрезвычайно скверны, и путешественнику трудно найти въ нихъ самое необходимое, но, начиная отъ Митавы (Курляндія) и до самаго Петербурга, несмотря на то, что страна довольно бѣдная и негостепріимная, почтовые станціи очень хороши и представляютъ собою большіе дома, въ которыхъ можно найти все необходимое для продовольствія путешественниковъ. Объясняется это тѣмъ, что по этому пути лежитъ большой почтовый трактъ, идущій изъ Петербурга за границу. Миновавъ Шавли, гдѣ мы встрѣтились съ адъютантомъ фельдмаршала, ѣхавшимъ въ дѣйствующую армію, мы вечеромъ, близъ Риги,

переѣхали Двину по льду. Около Дерпта мы увидѣли гренадерскую бригаду вмѣстѣ съ артиллеріей, направлявшуюся къ польской границѣ, и невольно, при видѣ этихъ войскъ, шедшихъ противъ моей родины, у меня болѣзненно сжалось сердце. Во все время этого довольно утомительнаго пути насъ преслѣдовалъ сильный, рѣзкій вѣтеръ, и холодный снѣгъ билъ намъ въ лицо; особенно же сильно это чувствовалось близъ озера Пейпуса.

Наконецъ двадцать восьмого декабря 1830 года, въ восемь часовъ вечера, на седьмой день послѣ выѣзда изъ Варшавы, я прибылъ въ Петербургъ. Мнѣ удалось убѣдить моего спутника, что, прежде чѣмъ явиться къ фельдмаршалу, необходимо привести въ порядокъ нашъ дорожный туалетъ, и мы прямо проѣхали въ гостиницу Демуть, находившуюся недалеко отъ дома, гдѣ жилъ фельдмаршалъ Дибичъ ¹⁾. Оправившись послѣ пути и одѣвшись въ мундиры, мы поѣхали къ фельдмаршалу и велѣли доложить о себѣ. Сначала былъ приглашенъ сопровождавшій меня офицеръ, который вручилъ фельдмаршалу бумаги. Впослѣдствіи офицеръ рассказывалъ мнѣ, что фельдмаршалъ спрашивалъ его: кто я такой, на какомъ языкѣ я говорилъ съ нимъ, не рассказывалъ ли я ему о польской революціи, и велѣ ли я себя спокойно во время пути.

Прождавъ нѣсколько минутъ въ пріемной, я былъ приглашенъ въ кабинетъ фельдмаршала, у котораго въ это время находился генералъ отъ инфантеріи графъ Толстой. Я нѣсколько разъ издали видѣлъ фельдмаршала, но никогда не говорилъ съ нимъ. Это былъ человѣкъ низенькаго роста, очень толстый и некрасивый, не безъ извѣстнаго комизма во всей фигурѣ, очень подвижной, живой, быстрый въ разговорѣ, постоянно двигавшійся на стулѣ и, повидимому, очень самолюбивый; но въ душѣ это былъ человѣкъ добрый, прекрасно знавшій политическое положеніе Европы и особенно Польши и ненавидѣвшій отъ души великаго князя Константина. На столѣ у него лежалъ раскрытый альманахъ польской арміи, въ которомъ онъ, вѣроятно, отыскивалъ мое имя. Онъ всталъ, сдѣлалъ мнѣ легкій поклонъ, попросилъ меня сѣсть, предложилъ чаю и сказалъ:

— Давно ли вы покинули Варшаву?

— Сегодня седьмой день со времени моего отъѣзда. Я былъ посланъ генераломъ Хлопицкимъ съ депешами на имя князя Любецкаго, которыя у меня отняли на границѣ, и я надѣюсь, что ихъ передали вашему высокопревосходительству?

— Какъ же, онѣ у меня здѣсь.

— Мнѣ остается только просить ваше высокопревосходительство разрѣшить доставить ихъ по назначенію. Что касается дру-

¹⁾ Домъ Шепелева, близъ Зимняго дворца.

гихъ бумагъ, то я получилъ ихъ отъ молодого графа Замойскаго, который просилъ меня передать ихъ г. Туркулу ¹⁾.

— Это только газеты ²⁾. Скажите, пожалуйста, были ли получены въ царствѣ, до вашего отъѣзда изъ Варшавы, манифесты государя императора къ польскому народу и къ польской арміи?

— Нѣтъ, ваше высокопревосходительство, тамъ еще ничего не знали, и единственныя извѣстія, полученные изъ Петербурга, послѣ революціи, привезены были полковникомъ Гауке.

Тогда фельдмаршалъ началъ считать дни съ генераломъ Толстымъ и сказалъ мнѣ:

— Совершенно вѣрно, они не могли еще прибыть въ Варшану. Итакъ, у васъ началась революція?

— Къ сожалѣнію, это такъ.

— Если не ошибаюсь, вы были адъютантомъ графа Красинскаго?

— Точно такъ. Я состоялъ при немъ до самаго его возвращенія въ Варшаву и находился вмѣстѣ съ польскими войсками, бывшими при великомъ князѣ Константинѣ въ первый моментъ революціонныхъ безпорядковъ, состоя при гвардейскомъ Конно-Егерскомъ полку. Я вернулся въ Варшаву съ этими войсками послѣ того, какъ великій князь далъ намъ на это разрѣшеніе. (Я сразу же желалъ дать понять, что генералъ Хлопицкій былъ настолько тактиченъ, что не послалъ въ Петербургъ одного изъ тѣхъ офицеровъ, которые начали революцію).

— Такимъ образомъ вы находились въ той части войскъ, которыя остались вѣрны своему долгу съ самаго начала: это меня очень радуетъ. Въ настоящее время вы, кажется, состоите при генералѣ Хлопицкомъ?

— Точно такъ.

— Значитъ, онъ диктаторъ? Надолго ли? Ну, а каковы послѣднія новости?

— Генералъ Хлопицкій сначала провозгласилъ себя диктаторомъ, и надо сказать, что это было ко благу націи, такъ какъ онъ возстановилъ въ странѣ порядокъ и спокойствіе. Наканунѣ моего отъѣзда собрался сеймъ, который провозгласилъ революцію національною и утвердилъ генерала Хлопицкаго въ званіи диктатора волею представителей и народа. Депеши, которыя я привезъ, сообщаютъ объ этихъ важныхъ событіяхъ.

¹⁾ Туркуль, Игнатій Леонтьевичъ, тогдашній министръ статсъ-секретарь царства Польскаго. Впослѣдствіи дѣйств. тайн. совѣтн. и членъ Госуд. Совѣта, † 1856 г.

²⁾ Впослѣдствіи я узналъ, что въ эту ночь польскія газеты, привезенныя мною, были переведены на русскій языкъ для императора, и несомнѣнно, что изъ содержанія этихъ газетъ, въ которыхъ подробно описаны были всѣ событія, императоръ могъ узнать о томъ, что происходитъ въ Варшавѣ.

— Да, вы правы, извѣстія эти чрезвычайно важны. Не можете ли вы сказать мнѣ, былъ ли выбранъ диктаторъ единогласно?

— Да, за исключеніемъ одного голоса, принадлежавшаго калишскому нунцію Моравскому.

— Неужели не нашлось на сеймѣ ни одного человѣка, который произнесъ бы имя императора и имѣлъ мужество напомнить о своемъ государѣ?

— Ни одинъ голосъ не высказался *противъ* императора.

— Да, но не было также и голоса *за* него.

— Ни за, ни противъ... объ этомъ вовсе не было рѣчи... говорю это совершенно откровенно.

— Это странно. Имѣетъ ли генералъ Хлопицкій неограниченныя полномочія?

— Онъ облеченъ самой широкой диктаторской властью; тѣмъ не менѣе имѣется особая депутація отъ сената и нунціевъ, которая наблюдаетъ за нимъ и хотя и не вмѣшивается въ его дѣйствія, но въ крайнемъ случаѣ имѣетъ право смѣнить его.

— Это не хорошо, не хорошо. Но изъ кого же состоятъ члены этой депутаціи?

Я назвалъ ему нѣсколько именъ, прибавивъ, что въ депешахъ, присланныхъ на имя князя Любецкаго, всѣ члены этой депутаціи, вѣроятно перечислены, и что князь Любецкій и графъ Езерскій знаютъ ихъ лучше меня.

— Чарторыйскій, Радзивиллъ, Малаховскій, Езерскій и другіе названные вами члены этой депутаціи—все это порядочные люди; но что въ число этихъ членовъ попалъ упомянутый вами Моравскій, который высказался противъ диктатуры,—это уже не хорошо. Водворенъ ли окончательно порядокъ?

— Я думаю, что порядокъ окончательно возстановленъ, и что этому способствовалъ генералъ Хлопицкій цѣлымъ рядомъ энергичныхъ мѣръ. Такъ, онъ приказалъ разстрѣлять одного сапера, который поднялъ руку на своего капитана; посадилъ подъ арестъ поручика Высоцкаго (одного изъ выдающихся героевъ революціи), который прибылъ въ Варшаву, не испросивъ на то разрѣшенія, и вообще подобными мѣрами справедливой строгости диктатору удалось возстановить порядокъ. Онъ справедливъ, имѣетъ сильную волю, пользуется довѣріемъ народа, онъ закрылъ нѣсколько клубовъ, и въ этомъ отношеніи страна обязана ему многимъ, такъ какъ онъ спасъ ее отъ анархіи и безпорядковъ, неразрывныхъ со всякимъ зарождающимся революціоннымъ движеніемъ.

Во время этой рѣчи фельдмаршалъ одобрительно кивалъ головою, повторяя про себя: «Очень хорошо, очень хорошо» (особенно послѣ того, какъ я сообщилъ ему объ арестованіи Высоцкаго). Затѣмъ онъ спросилъ меня:

— А что сдѣлали съ русскими, которые остались въ Варшавѣ?

— Генераль Хлопицкій приказалъ отправить всѣхъ русскихъ унтеръ-офицеровъ и солдатъ въ Брестъ-Литовскъ.

— Это очень хорошо. Я немедленно же доложу объ этомъ государю императору.

— Что касается генераловъ и офицеровъ, оставленныхъ въ Варшавѣ, то генераль Хлопицкій озаботился о ихъ участи, но онъ не можетъ вернуть ихъ до тѣхъ поръ, пока не узнаетъ о судьбѣ польскихъ сенаторовъ и офицеровъ, находящихся въ Россіи.

— А кто эти сенаторы?

— Князья Яблоновскій и Любомирскій и графы Ынинскій и Тышкевичъ.

— Ихъ и не предполагаютъ арестовать. А что дѣлается въ вашей арміи?

— Ее реорганизуютъ, чтобы довести до двойного комплекта: всѣ отставные военные возвратились на службу, и, кромѣ того, въ провинціяхъ формируютъ съ чрезвычайной быстротою восемьдесятъ батальоновъ пѣхоты и столько же эскадроновъ кавалеріи.

— На мѣстѣ генерала Хлопицкаго я привелъ бы все въ порядокъ, сталъ бы во главѣ революціи, какъ онъ это и сдѣлалъ, а затѣмъ я возвратилъ бы страну ея законному государю. Вотъ какъ бы я поступилъ, ибо я человѣкъ откровенный и прямой и признаю лишь вѣрность присягѣ и военныя добродѣтели.

На это я ничего не отвѣтилъ, а фельдмаршалъ продолжалъ:

— А воспитанники военной академіи все также ли бушуютъ?

— Напротивъ, они болѣе всего способствовали возстановленію порядка, и я нахожу ихъ очень благоразумными.

— Да, да, генераль Езерскій сказалъ мнѣ то же самое. А гдѣ находится графъ Викентій Красинскій?

— Не могу сказать вашему высокопревосходительству, такъ какъ я не видѣлъ его со времени его возвращенія въ Варшаву, но мнѣ кажется, что онъ находится въ Пруссіи.

— А генераль Курнатовскій?

— Онъ въ отставкѣ и спокойно проживаетъ въ Варшавѣ.

— Это почтенные люди. А теперь прощайте. Я отправляюсь къ государю, чтобы доложить ему о вашемъ приѣздѣ. Прошу васъ ожидать меня у дежурнаго офицера, который живетъ тутъ же.

Фельдмаршалъ дѣйствительно немедленно же поѣхалъ къ государю, но мнѣ пришлось ожидать болѣе двухъ часовъ у полковника Салтыкова. Я немного поужиналъ, а мой спутникъ, офицеръ Васильевъ, заснулъ въ креслѣ. Было уже около полуночи, когда фельдмаршалъ вернулся отъ государя, увѣдомивъ полковника Салтыкова о томъ, что я буду ночевать у него. Когда же я заявилъ, что мой слуга остался съ вещами въ гостиницѣ, то фельдмаршалъ велѣлъ передать мнѣ, что я могу поѣхать домой, но не долженъ выходить

изъ комнаты и что конвой останется при мнѣ до новыхъ приказаній. Я поспѣшилъ вернуться въ гостинницу, довольный тѣмъ, что первое свиданіе прошло довольно хорошо, и что мнѣ, наконецъ, можно будетъ выспаться вволю послѣ утомительной бессонницы въ теченіе шести ночей.

На другое утро, 29-го декабря 1830 года, ко мнѣ явился одинъ изъ адъютантовъ фельдмаршала, капитанъ Львовъ, который передалъ мнѣ отъ имени генерала Дибича слѣдующее порученіе. Такъ какъ я при началѣ революціи находился въ Варшавѣ съ войсками великаго князя Константина, то мнѣ предложено изложить письменно все то, что произошло въ это время, со всѣми подробностями, а равно сообщить и все, что касается до польской арміи. Для изложенія этихъ свѣдѣній фельдмаршалъ далъ мнѣ день времени съ тѣмъ, чтобы къ вечеру я представилъ ему мою работу. Я тотчасъ принялся за дѣло и изложилъ всѣ подробности, относящіяся до первыхъ четырехъ дней революціи, описавъ съ полной правдивостью все то, что было мнѣ извѣстно и особенно все, относящееся до дѣйствій войскъ, находившихся съ цесаревичемъ въ ночь 29-го ноября въ Варшавѣ и затѣмъ на бивакъ близъ Мокотова; при этомъ я описалъ также наше возвращеніе въ Варшаву и закончилъ указаніемъ на то, что порядокъ возстановленъ съ тѣхъ поръ, какъ генералъ Хлопицкій провозгласилъ себя диктаторомъ; я указалъ также на военныя приготовленія, производившіяся въ войскахъ, на увеличеніе почти вдвое старыхъ полковъ призывомъ отпущныхъ и на дѣятельное формированіе новыхъ полковъ и многочисленной подвижной гвардіи, учреждаемой въ провинціяхъ. Цѣлый день я никого не видѣлъ, занятъ былъ моей работой и въ восемь часовъ вечера отвезъ ее къ фельдмаршалу.

Болѣе часу пришлось мнѣ ожидать въ приѣмной, гдѣ многіе офицеры и генералы бесѣдовали со мной чрезвычайно любезно, но выражали при этомъ негодованіе по случаю происшедшей революціи; негодовали на юнкерское училище, на академиковъ и въ особенности на профессора Лелевеля¹⁾, но при этомъ выражали полное сочувствіе и уваженіе къ гвардейскому Конно-Егерскому полку (польской гвардіи), который велъ себя столь благородно и съ такимъ мужествомъ.

На все это мнѣ пришлось отвѣчать отрывочными фразами, сохраняя достоинство польскаго офицера; иногда же я не отвѣчалъ вовсе, не желая входить съ ними въ пререканія. Въ концѣ концовъ я взялъ нѣмецкую газету, лежавшую на столѣ, и прочелъ въ ней

¹⁾ Последнее вполнѣ естественно, если принять во вниманіе, что Лелевель, не смотря на свое званіе профессора, принадлежалъ къ числу тѣхъ крайнихъ руководителей возстанія, которые настаивали на необходимости умертвить Цесаревича Константина.

Прим. перев.

напечатанный манифестъ императора къ полякамъ, котораго я еще не зналъ. Наконецъ меня пригласили къ фельдмаршалу, который былъ въ кабинетѣ. Онъ началъ съ извиненія, что заставилъ меня прождать такъ долго, прибавивъ, что у него только что была его сестра, которую онъ очень любилъ, и которая пріѣхала проститься съ нимъ передъ его отъѣздомъ въ армію. Затѣмъ онъ попросилъ меня сѣсть, самъ сѣлъ противъ меня, и между нами произошелъ слѣдующій разговоръ, который я постараюсь передать въ точности.

— Я говорилъ о васъ императору,—началъ фельдмаршалъ,—и его величество съ удовольствіемъ узналъ, что вы не принимали участія въ первые моменты революціи. Я—человѣкъ прямой, служу въ военной службѣ съ молодыхъ лѣтъ и буду говорить съ вами съ откровенностью солдата. Императоръ Александръ далъ Польшѣ конституцію,—обстоятельство, которое не одобрялось русскими, ибо спрашивается, почему же одна страна должна быть управляема лучше и иначе, чѣмъ другія, находящіяся подъ властью одного и того же государя, а вдобавокъ еще страна покоренная. Я такъ же, какъ русскій человѣкъ, былъ противъ этого—говорю вамъ это прямо. Тѣмъ не менѣе, такъ какъ императоръ Александръ (добродѣтельныйшій человѣкъ въ мірѣ) непремѣнно желалъ этого,—Россія ничего не сказала, пожелавъ всевозможныхъ благъ Польшѣ и дарованнымъ ей учрежденіямъ. Такимъ образомъ вы получили конституцію. Правда, она не всегда строго соблюдалась, но это не была вина царствующаго императора, который былъ въ нѣсколько неловкомъ положеніи по отношенію къ своему старшему брату, и послѣдній—я это хорошо знаю—является одной изъ важнѣйшихъ причинъ вашего неудовольствія. Во всякомъ случаѣ это не можетъ служить оправданіемъ революціи, ибо, несмотря на все это, въ Польшѣ все-таки было больше хорошаго, чѣмъ дурного. Депеши, которыя вы привезли для князя Любецкаго, были распечатаны императоромъ; при этомъ я долженъ вамъ сказать, государь очень недоволенъ княземъ. Кто такой князь Любецкій? Это—человѣкъ, который служилъ въ русскихъ войскахъ, который совершалъ съ ними походы, это—русскій, котораго императоръ сдѣлалъ министромъ Польши. И вотъ въ настоящее время этотъ же князь Любецкій хочетъ разыгрывать роль посланника! За это государь и принялъ его, какъ слѣдовало! Если въ Польшѣ дѣло шло нехорошо, это вина Любецкаго, потому что онъ былъ министромъ императора, и, какъ таковой, онъ долженъ былъ быть лучшимъ хранителемъ конституціи, заботиться о счастіи народа, предупреждать зло, исправлять все дурное и въ крайнемъ случаѣ написать императору, доложивъ ему о томъ, что происходитъ; онъ долженъ былъ указать, что онъ не въ силахъ противодействовать злу, что виною тому великій князь и т. д. Вотъ что долженъ былъ сдѣлать князь Любецкій, и чего онъ не сдѣлалъ, и поэтому, если дѣло не шло такъ, какъ оно должно было идти въ Польшѣ, какъ того же-

лалъ императоръ, то въ этомъ вина Любецкаго; а теперь онъ прибылъ сюда съ какою-то миссіей отъ имени возмущившейся страны... Повторю еще разъ, что у васъ были причины къ недовольству, но во всякомъ случаѣ онѣ не могутъ служить оправданіемъ революціи, подвергающей страну столькимъ бѣдствіямъ. Въ настоящее время, когда уже произошла революція, сеймъ долженъ былъ вести себя совершенно иначе. Ему слѣдовало бы собраться, какъ онъ это и сдѣлалъ, но не поддаваясь вліянію крикуновъ, чистосердечно написать императору: «Государь, несмотря на то, что законъ запрещаетъ намъ собираться, безъ разрѣшенія монарха, тѣмъ не менѣе, будучи вынуждены обстоятельствами, мы собрались для совѣщанія о правительствѣ, которое въ данный моментъ надо учредить; мы назначили диктаторомъ генерала Хлопицкаго; но въ настоящее время, когда порядокъ и тишина уже возстановлены, мы спѣшимъ увѣдомить объ этомъ ваше величество, нашего законнаго монарха, умоляя васъ, государь, войти въ печальное положеніе страны, даровать намъ великодушное прощеніе и утвердить неприкосновенность нашихъ законовъ и нашей конституціи». Вотъ какъ слѣдовало бы поступить. А между тѣмъ, что дѣлаетъ сеймъ? Онъ объявляетъ революцію національную, выражаетъ благодарность ея зачинщикамъ, не произноситъ даже имени императора и какъ будто бы желаетъ войны. Ну, что же? Что можете вы ожидать отъ войны? Какъ можете вы думать, что исходъ этой борьбы будетъ вамъ благопріятенъ?.. Допустивъ даже, что вы вступите въ Литву, возьмете Вильну, разобьете наконецъ первыя наши войска,—вспомните только, что Наполеонъ вступилъ въ Россію съ четырехсотъ-тысячною арміею, состоявшей изъ лучшихъ войскъ, и что изъ этого произошло? Притомъ же не думаю, чтобы вамъ легко было разбить наши первыя войска: надѣюсь, что меня хорошо знаютъ въ Польшѣ, знаютъ въ Германіи, знаютъ даже и въ Турціи. Ваша армія многочисленна...

Здѣсь я замѣтилъ фельдмаршалу, что польская армія увеличилась, что всѣ старые офицеры и солдаты возвращаются на службу, что вся молодежь вооружилась и воодушевлена самымъ воинственнымъ духомъ, что наконецъ вооружается весь народъ...

— Допустимъ все это,—продолжалъ фельдмаршалъ,—но я не принимаю въ расчетъ вашихъ новобранцевъ, плохо обученныхъ мужиковъ, вооруженныхъ косами, ибо противъ нихъ я не буду употреблять ни пѣхоты, ни кавалеріи, но одну только картечь... Для этого у меня достаточно пушекъ. Я буду считать только регулярныя польскія войска. У васъ было двадцать шесть батальоновъ пѣхоты, допустимъ, что у васъ теперь пятьдесятъ два батальона; а у меня въ первой линіи семьдесятъ два батальона и столько же во второй, и того—сто сорокъ четыре батальона. Если бы этого не хватило, мы потребуемъ новыя войска: на это средствъ у насъ достаточно,—а вѣдь я еще не считаю гвардіи, которая также дви-

гается и составит резервный корпусъ. У меня сто сорокъ эскадроновъ регулярной кавалеріи, не считая казаковъ, и четыреста полевыхъ орудій. Вотъ вамъ цифры, которыя говорятъ сами за себя. Первый армейскій корпусъ и литовскій корпусъ, который, по имѣющимъся свѣдѣніямъ, воодушевленъ лучшимъ духомъ, уже находятся на границѣ; второй корпусъ и гренадерскій, а также два корпуса кавалеріи, уже находятся въ пути, и я самъ сегодня ночью отправляюсь въ армію.

Фельдмаршалъ упомянулъ о настроеніи литовскаго корпуса, потому что зналъ, что въ Варшавѣ поговаривали о его переходѣ на сторону Польши. Затѣмъ онъ продолжалъ:

— Я скажу вамъ откровенно то, что думаю о вашей арміи, ибо я человекъ прямой и съ пятнадцатилѣтняго возраста состою на военной службѣ. Войска ваши хороши, хорошо обучены, храбры, но нашъ русскій солдатъ болѣе приученъ къ лишеніямъ, къ дурной пищѣ, къ тяжелымъ переходамъ и ко всѣмъ неудобствамъ, сопряженнымъ съ войною, а слѣдовательно наши солдаты болѣе закалены, болѣе способны къ войнѣ. Во время послѣдней турецкой кампаніи мнѣ очень хотѣлось имѣть подъ своей командой польскія войска, и я увѣренъ, что я былъ бы ими очень доволенъ, какъ я былъ доволенъ офицерами польскаго генеральнаго штаба, прекрасно служившими во время этой войны. Это создало бы совершенно другое направленіе мыслей въ вашей арміи и, быть можетъ, послужило бы даже препятствіемъ къ осуществленію революціи. Но великій князь Константинъ не хотѣлъ этого дозволить... Скажу вамъ также, что я былъ особенно хорошаго мнѣнія о польскомъ войскѣ не столько по отношенію къ солдатамъ и молодымъ офицерамъ, какъ по отношенію къ старымъ вашимъ военачальникамъ и старшимъ офицерамъ, совершившимъ походы съ Наполеономъ, которыхъ я всегда высоко цѣнилъ. Но съ тѣхъ поръ, какъ я убѣдился, что эти же старые офицеры не сумѣли поддержать порядка и дисциплины въ своихъ войскахъ, что они позволили увлечь себя молодымъ подпоручикамъ и унтеръ-офицерамъ, что вліяніе ихъ не воздѣйствовало на подчиненныхъ, съ тѣхъ поръ, признаюсь вамъ, я совершенно измѣнилъ о нихъ свое мнѣніе. Затѣмъ, что имѣется у васъ для веденія войны? У васъ нѣтъ ни пороховыхъ заводовъ, ни складовъ, ни пушечно-литейныхъ заводовъ, ни оружейныхъ мастерскихъ, ни всего того, что необходимо для веденія и поддержанія войны. Я лично привыкъ командовать арміями, имѣлъ ихъ немало подъ своимъ начальствомъ и, могу сказать безъ хвастовства, командовалъ ими съ честью, чему доказательствомъ могутъ служить мои походы. Мнѣ кажется, что въ Польшѣ это хорошо знаютъ... У васъ теперь генералъ Хлопицкій, прекрасный бригадный генералъ, съ честью совершившій походъ въ Испанію и въ другія мѣста, въ низшихъ чинахъ; но ему никогда не приходилось командовать цѣлой

арміей, а поэтому нельзя сказать съ увѣренностью, что изъ него выйдетъ хорошій главнокомандующій. Я очень мало знаю генерала Хлопицкаго, но мнѣ кажется, что онъ хладнокровенъ и очень расчетливъ; я же напротивъ того человѣкъ горячій и пылкій, такъ что наши обоюдныя качества несомнѣнно отразятся на будущихъ военныхъ операціяхъ. Я много говорилъ съ покойнымъ государемъ о Польшѣ. Императоръ Александръ, любившій меня, какъ родного сына, называлъ меня своимъ ученикомъ, а я обожалъ его, какъ благодѣтеля и отца. Я хорошо зналъ взгляды этого монарха и могу васъ увѣрить, что онъ искренно желалъ добра полякамъ. Императоръ Николай еще молодъ, но—это государь дѣятельный, съ твердыми, опредѣленными взглядами, государь, желающій блага подвластныхъ ему народовъ, а по характеру своему обладающій доблестью древнихъ рыцарей; тѣмъ не менѣе характеръ его твердъ и непреклоненъ, и было бы ошибочно думать, что онъ пойдетъ на какія либо уступки. Несмотря на это, онъ искренно желаетъ, чтобы все уладилось къ лучшему, безъ пролитія крови. Скажите, читали вы послѣдній манифестъ государя, и что вы о немъ думаете.

Я сказалъ фельдмаршалу, что только что прочелъ его въ одной изъ газетъ въ его приѣмной, но что я просмотрѣлъ его мелькомъ, и для болѣе точнаго уясненія всего сказаннаго въ этомъ манифестѣ необходимо прочесть его съ особеннымъ вниманіемъ. Во всякомъ случаѣ изъ бѣглаго его просмотра я уже убѣдился, что одно изъ первыхъ условий, высказанныхъ въ этомъ манифестѣ, едва ли можетъ быть выполнимо.

— Какое именно?

— Я говорю о томъ пунктѣ, въ которомъ польской арміи предлагается немедленно отправиться и сосредоточиться въ окрестностяхъ Плоцка. Вѣдь этимъ движеніемъ Варшава была бы совершенно открыта, а при томъ настроеніи умовъ, въ которомъ находится польская армія, никто на это не согласится.

— Неужели генералъ Хлопицкій не имѣетъ настолько вліянія на армію, чтобы приказать исполнить это движеніе?

— Позволю себѣ замѣтить вашему высокопревосходительству, что прежде всего я не увѣренъ, пожелаетъ ли самъ генералъ Хлопицкій исполнить это распоряженіе; но если бы даже онъ отдалъ подобный приказъ, то можно поручиться, что ни одинъ изъ полковъ его бы не исполнилъ.

— Конечно, этого распоряженія не надо понимать въ буквальномъ смыслѣ. Если бы генералъ Хлопицкій пожелалъ окончить все безъ войны, онъ могъ бы написать намъ, что для выполненія арміей этого движенія необходимо время, что нельзя еще совершенно открыть дорогу на Брестъ, что необходимы войска для охраненія самой Варшавы и т. п. И думаю, что дѣло могло бы уладиться. Вы понимаете, что я говорю съ вами совершенно откровенно, какъ старый солдатъ.

Эту фразу фельдмаршалъ, въ теченіе своего продолжительнаго разговора, повторялъ нѣсколько разъ и особенно на нее упиралъ.

И отвѣчалъ:

— Такъ какъ ваше высокопревосходительство дѣлаете мнѣ честь говорить со мной съ такой искренностью и добротою, я прошу васъ въ свою очередь дозволить мнѣ предложить нѣсколько вопросовъ, при чемъ прежде всего считаю долгомъ обратить вниманіе, что на меня не возложено никакой миссіи, что я не имѣю никакихъ полномочій, что я прибылъ сюда въ качествѣ простого курьера, отправленнаго съ депешами, и что, такимъ образомъ, вопросы, которые я позволю себѣ предложить, исходятъ только отъ меня лично; что я предлагаю ихъ, лишь какъ частное лицо, какъ человѣкъ, ободренный милостивымъ вниманіемъ вашего высокопревосходительства.

— Очень, хорошо, я васъ слушаю.

— Если предположить,—сказалъ я,— что поляки приняли бы условія, поставленныя въ высочайшемъ манифестѣ, то есть ли основаніе думать, что великій князь Константинъ вернется снова въ Польшу и будетъ занимать прежнее свое положеніе?

— Нѣтъ, по крайней мѣрѣ, онъ самъ этого не желаетъ.

— Въ такомъ случаѣ предполагается ли назначить въ Польшу кого нибудь для управленія страной отъ имени Россіи?

— Конечно... и я думаю, что выборъ палъ на меня... но вы будете мною довольны: я хорошо буду управлять вами и ручаюсь вамъ, что конституція будетъ строго сохранена, въ этомъ вамъ порукою моя личность. Впрочемъ спѣшу оговориться: что касается вопроса о свободѣ печати, то этой свободы вы не получите, предупреждаю васъ напередъ, ибо это представило бы слишкомъ много осложнений и послужило бы лишь къ возбужденію умовъ.

— Предполагаетъ ли его величество дать полную амнистію?

— Да, государь проститъ всѣхъ и не будетъ никого преслѣдовать, исключая впрочемъ пяти или шести человѣкъ, уличенныхъ въ качествѣ главныхъ виновниковъ и подстрекателей революціи, но, повторяю, *не болѣе пяти — шести чловѣкъ*, которыхъ придется повѣсить, такъ какъ иначе невозможно поступить въ силу законовъ, существующихъ у всѣхъ націй и строго карающихъ заговорщиковъ и главныхъ зачинщиковъ мятежа.

— Не предполагается ли сдѣлать какихъ либо измѣненій въ польской конституціи?

— Думаю, что ограничатся самыми незначительными измѣненіями.

— Вступятъ ли русскія войска въ Польшу, и останутся ли они тамъ?

— Несомнѣнно. Развѣ возможно поступить иначе? Ваша армія — мятежное войско, вы сами согласитесь съ этимъ, и государь, конечно, не можетъ предоставить охраненіе принадлежащей ему и

вдобавокъ еще пограничной территоріи войскамъ, на которыя нельзя положиться. Поэтому необходимо, чтобы русскія войска находились въ Польшѣ и охраняли страну и самую армію—это ясно, какъ день.

— Позвольте мнѣ почтительно замѣтить вашему высокопревосходительству, что при наличности вышеприведенныхъ условій принятіе польскою націею высочайшаго манифеста совершенно невозможно. Я знаю, насколько сильно возбужденіе умовъ въ Варшавѣ и во всемъ царствѣ, и увѣренъ, что на этихъ условіяхъ поляки принуждены будутъ отвергнуть всякую возможность къ соглашенію.

— Съ своей стороны могу васъ также увѣрить, что государь императоръ не пойдетъ ни на какія уступки.

— Если это такъ, то, къ сожалѣнію, я предвижу войну и со скорбью помышляю о множествѣ пролитой крови и о безчисленныхъ жертвахъ этой войны.

— Я не думаю: съ обѣихъ сторонъ погибнетъ не болѣе десяти тысячъ человѣкъ—вотъ и все. Вообще на войнѣ не погибаетъ такъ много народу, какъ это обыкновенно думаютъ.

Произнося эти слова, фельдмаршалъ не могъ предвидѣть, что въ этой войнѣ погибнетъ болѣе шестидесяти тысячъ однихъ русскихъ, выбывшихъ изъ строя отъ ранъ и отъ болѣзней, и что онъ самъ будетъ находиться въ числѣ этихъ жертвъ.

Между тѣмъ фельдмаршалъ продолжалъ:

— Но, кромѣ гибели людей, есть еще другой бичъ, который можетъ постигнуть вашу несчастную страну и который является неизбѣжнымъ слѣдствіемъ и спутникомъ всякой войны: полное разореніе страны, сожженные селенія, уничтоженіе посѣвовъ, грабежи и множество другихъ бѣдствій. Я—человѣкъ, который умѣетъ поддерживать въ арміи порядокъ (а съ этой стороны меня хорошо знаютъ), и я строго караю малѣйшее нарушеніе дисциплины. Я несомнѣнно отдамъ самыя строгія приказанія, дабы войска не причиняли никакого вреда жителямъ; я буду разстрѣливать и вѣшать всякаго, кто будетъ противиться моимъ приказаніямъ, кто будетъ предаваться грабежу,—въ этомъ я ручаюсь вамъ моимъ словомъ. Но, несмотря на все это, вы поймете сами, что мнѣ невозможно будетъ усмотрѣть за всѣмъ, и подобные безпорядки, которыхъ я не въ силахъ буду предупредить, всегда могутъ имѣть мѣсто; и это тѣмъ болѣе, что во время войны между войсками несомнѣнно разгорится національная вражда. Итакъ, вотъ что васъ ожидаетъ, вотъ чѣмъ вы будете обязаны вашей революціи! Французская революція и революція въ Бельгii несомнѣнно вызвали возстаніе въ Варшавѣ, какъ слѣдствіе этой системы республиканизаціи всего міра, системы, объявившей войну всѣмъ монархамъ, во главѣ которой стоитъ Лафайетъ, и которая повліяла и на васъ.

— Будущее этой войны находится въ рукахъ Божьихъ, въ настоящее же время Польша дѣятельно готовится и собираетъ

средства для отраженія силъ, которыя будутъ направлены противъ нея. Я, во всякомъ случаѣ, предвижу большія несчастія для моей родины, но тѣмъ не менѣе надо сознаться, что, благодаря нашей революціи, спасена Бельгія и, быть можетъ, даже сама Франція, которая безъ этого была бы вовлечена въ войну съ Россіей.

— Что касается Франціи, — возразилъ фельдмаршалъ, — то мы всегда будемъ воевать съ нею, но вмѣсто того, чтобы встрѣтиться съ французами на Рейнѣ, мы столкнемся съ ними на Эльбѣ или на Одерѣ, благодаря вашей революціи; но это только послѣ того, какъ мы перешагнемъ черезъ вашу несчастную страну.

— Итакъ, слѣдовательно, нѣтъ никакихъ средствъ избѣгнуть войны между Польшей и Россіей?

— Едва ли на это можно надѣяться, разъ вы увѣряете, что условія высочайшаго манифеста не будутъ приняты, ибо императоръ не измѣнитъ своихъ взглядовъ въ главнѣйшихъ чертахъ. Когда вы вернетесь въ Варшаву, вы передадите генералу Хлопицкому все то, что я сказалъ вамъ. Если онъ думаетъ, что еще возможно разрѣшить вопросъ другимъ способомъ, что необходимо еще нѣкоторое время для успокоенія страстей, въ особенности же, если онъ воодушевленъ искреннимъ желаніемъ не подвергать свою родину случайностямъ войны съ Россіей, войны съ его собственнымъ государемъ, — въ такомъ случаѣ пусть онъ прямо напишетъ императору собственноручное письмо, за своею печатью, и если въ этомъ письмѣ онъ захочетъ передать государю такія вещи, о которыхъ никто не долженъ знать, — онъ можетъ вполне положиться на его величество, ибо въ этомъ отношеніи императоръ Николай — человѣкъ настолько деликатный, настолько рыцарь, что онъ не скажетъ объ этомъ даже мнѣ, своему фельдмаршалу. Генералъ Хлопицкій можетъ также послать свое письмо черезъ меня, и я немедленно же доставлю его государю; но пусть онъ торопится, ибо въ эту же ночь я отъѣзжаю къ арміи.

— Куда надо будетъ отправить депеши, на случай, если бы таковыя были адресованы на имя вашего высокопревосходительства?

— Посылайте ихъ въ Вѣлостокъ, гдѣ находится моя главная квартира.

— Но если ваше высокопревосходительство такъ скоро начнете кампанію, то едва ли будетъ достаточно времени на полученіе отвѣта изъ Петербурга...

— Въ такомъ случаѣ генералъ Хлопицкій можетъ написать мнѣ и сообщить, что онъ желаетъ ожидать отвѣта отъ государя императора и я могъ бы еще остановить на время вступленіе моихъ войскъ въ Польшу. Но если онъ будетъ писать, то пусть онъ пишетъ мнѣ не въ качествѣ диктатора и главы правительства, но просто въ качествѣ генерала Хлопицкаго, въ качествѣ поддан-

наго государя императора, ибо въ противномъ случаѣ я не отвѣчу ему на его письмо и возвращу его ему обратно..

Въ теченіе всей этой бесѣды фельдмаршалу два раза докладывали о графѣ Толстомъ, но генералъ Дибичъ просилъ его обождать; наконецъ самъ Толстой пріотворилъ дверь съ намѣреніемъ войти въ комнату. Тогда фельдмаршалъ сказалъ мнѣ:

— Впрочемъ мы уже достаточно поговорили съ вами; черезъ два часа я ѣду въ армію; вы еще останетесь здѣсь и получите приказанія отъ графа Чернышева или генерала Бенкендорфа. Я очень радъ, что увидѣлъ васъ и познакомился съ вами. Прощайте!

Отъ фельдмаршала я ушелъ послѣ полуночи. Я постарался передать всѣ подробности этой бесѣды, все то, что генералъ Дибичъ говорилъ мнѣ съ свойственнымъ ему увлеченіемъ, быстро и съ сильнымъ нѣмецкимъ акцентомъ. Я высказалъ фельдмаршалу то, что долженъ былъ сказать, и вынесъ убѣжденіе, что война сдѣлалась неизбежной. Довольный съ одной стороны перспективой пожинать новые лавры, Дибичъ вмѣстѣ съ тѣмъ былъ человекъ настолько честный, что не могъ желать гибели Польши и даже войны съ Польшей; но зато война съ Франціей ему очень улыбалась, а также мысль объ управленіи Польскимъ королевствомъ.

Но другому, болѣе счастливому полководцу суждено было судьбою закончить эту борьбу и получить тѣ почести и ту славу, которыхъ ожидалъ фельдмаршалъ Дибичъ.

К. А. Воинскій.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

